СОВСЕМ НЕ СТРАННАЯ МИССИС СЭВИДЖ

НЕТ, это не оговорка, хотя трагикомедия Джона Патрика, поставленная в Академическом театре имени Моссовета, называется «Странная миссис Сэвидж». Речь пойдет не о пьесе и не о спектакле, а о центральном образе, созданном Фаиной Раневской.

Постановщик спектакля Л. Варпаховский очень пристально вгляделся в коллизии пьесы. Он снял с них, насколько это было возможно, налет мелодраматизма и сентиментальности и за довольно поверхностной интригой увидел и четко обнажил в судьбе главной героини драму человека и человечности в мертвенно-бездушном капиталистическом мире. Талантливо, с большим мастерством раскрывает эту драму Ф. Раневская.

...Немолодая, представительная, благообразная, со вкусом одетая женщина. Ни в ее облике, ни в поведении нет ничего странного. Нет в ней и экстравагантности взбалмошной богачки. Она добра, деликатна, рассудительна. Ее здравый смысл не вызывает никаких сомнений. С готовностью общительного человека, с обезоруживающей логикой и бесхитростностью она рассказывает о своем стремлении помогать людям, делать осуществимыми их желания, на которые у них нет средств, а у нее эти средства в избытке.

И только по ее глазам, то тоскливым, то возбужденным, то беспомощным, можно догадаться, что происходит в душе этой несчастной женщины. В них вопрос: куда, зачем ее привезли?

Право же, в современной Америке ничего не стоит объявить человека не в своем уме, если он недостаточно почтительно относится к золотому тельцу.

Больница, куда насильно поме-

стили миссис Сэвидж ее приемные дети, чтобы завладеть оставшимся после смерти их отца, ее мужа, состоянием, — отнюдь не вульгарный сумасшедший дом. Это респектабельное заведение с умиротворяюще-поэтичным названием — «Тихая обитель». И хотя миссис Сэвидж чувствует, что здесь что-то не так, она поначалу все еще не хочет поверить в случившееся. Растерянность, непонимание переходят в надежду, а на смену ей — вновь тревога и беспокойство.

Она мечется по гостиной: окно — решетка, дверь заперта. Первый открытый взрыв — первый крик: она не пойдет, не пойдет ни в какую «свою комнату», ей здесь нечего делать! А в ответ — выжидательно-понимающий, сочувствующий, но непреклонный взгляд сестры и отвратительно-угрожающая фигура безмолвно возникшего в дверях верзилы-санитара.

Погасла вспышка протеста, в глазах — ужас, страх затравленной души, в походке — тяжелая покорность обреченной...

А потом снова будет борьба — не только за то, чтобы вырваться отсюда, — за право быть человеком. Каждый шаг миссис Сэвидж — Раневской в этой борьбе со всей непреложностью будет выявлять и доказывать ее умственное и нравственное превосходство над пигмеями, объявившими ее умалишенной. И особенно остро почувствуется драматизм судьбы миссис Сэвидж, вся отчаянность, дикая нелепость ее положения.

Через все круги душевного ада своей героини проведет нас актриса. И, напряженно, с волнением внимая жизни духа миссис Этель Сэвидж, мы будем сочувственно и горячо желать ее победы.

...Славная, справедливая в своем гневе, горестная в своем одиночестве, может быть, чуточку наивная и смешная, но совсем не странная миссис Сэвидж! Бледны и вторичны слова перед этим живым, неповторимым созданием большого, страстного, щедрого искусства Фаины Раневской...

Н. ЛЕЙКИН.

Сов. культура, 1966, 29 янв.